

Надежда Мананникова

МИР ДЕТСТВА ЮРИЯ ТРЕТЬЯКОВА

(Писатель учит ребят любви к малой родине)

Какими качествами должен обладать писатель, чтобы отнести его к ряду детских писателей? Алла Борисовна Ботникова, доктор филологических наук, профессор ВГУ, во вступительной статье к книге Ю.Ф. Третьякова «Рыцари Березовой улицы» писала: «Для этого нужны особые качества. Надо самому хоть в некоторой степени сохранить в себе ребенка с его способностью каждый раз как бы впервые видеть явления мира, удивляться им, замечать необычное в примелькавшемся и повседневном».

Нет сомнения в том, что наш земляк Юрий Третьяков — детский писатель. Его книги написаны с очень точным, проникновенным пониманием детской психологии, без излишних описаний земли, неба, которые подросток быстро пропускает в поисках действия, сюжетной линии, хода авторской мысли.

Внимание Юрия Третьякова к детству вызвано теми же причинами, которые заставляли многих писателей пристально вглядываться в важнейший период в жизни человека. В этом возрасте формируется человеческая личность. В детстве закладывается социальная и нравственная основа, которая сделает его добрым, отзывчивым, или же превратит в равнодушного эгоиста и стяжателя.

Третьяков любил детей, и в обширной галерее героев его книг почти невозможно найти отрицательных персонажей.

Во всех его книгах в той или иной степени присутствуют выдумка, фантазия, мечта — неотъемлемые элементы духовной жизни ребенка и подростка. Но есть в них и другое, не менее важное для читателя: в них рассматривается вопрос о взаимоотношении мира взрослых и мира детей. Его герои с полной ответственностью за порученное дело сгребают сено, ухаживают за маленькой сестренкой, занимаются санитарной рубкой леса, добывают корм для больных поросят...

Тонко знающий и понимающий детей, Третьяков большое значение придает юмору как важнейшему свойству полноценного человеческого характера. Каждый нормальный ребенок восприимчив ко всему смешному. «Отчаянно отбиваясь руками и здоровой ногой, Лаптяня взвыл на всю Гусиновку. И тут Глеб подскочил к свинье и вцепился в ее грязный волосатый хвост, крича девчачьим голосом: — Пошел, пошел! Брысь! — потому что не знал, как правильно гоняют свиней. Он оглянулся в поисках какого-нибудь оружия, схватил Музыкантову трубу

и ударил свинью по лбу, причем труба издала такой звонкий и приятный звук, какого от нее никогда и не слыхивали... Подоспевшие Гусь и Мишаня подняли Лаптяню, поставили на ноги и начали заботливо осматривать, не нанесла ли ему свинья каких увечий. Лаптяня, бледный и чумазый, в пыли и курином помете, никак не мог прийти в себя и все озирался: — Куда костыли подевали, гады? В это время Комар принес костыли...» Повесть «Толстый мальчишка Глеб» и сейчас пленяет читателя тем неподдельным и живым интересом, с каким писатель всматривается в жизнь своих героев.

Юмор в авторской речи служит средством раскрытия отношения героя книги или же ее автора ко многим описываемым явлениям и людям. В повести «Вася-капиталист» Юрий Федорович описывает случай: «Пионеры Васиного звена должны следить, чтобы все ребята из этого дома не пропускали уроков, как недавно, когда целая орава испугалась контрольной работы и организованно отправилась в лес как место наиболее подходящее для людей, вынужденных почему-либо скрываться. Вася и сам чуть было не ушел с ними — не потому, что боялся контрольной, а просто захотелось подснежники посмотреть. Только в последнюю минуту победила сознательность, и Вася не пошел».

В каждом маленьком персонаже любой книги Ю.Ф. Третьякова мы увидим черты ребят реальных, озорных, частенько грубоватых, не всегда способных устоять перед многочисленными соблазнами, дразнящих своих сверстников. Они все разные, каждый обладает своим характером, привычками, языком. В произведениях точно и достоверно описана реальная жизнь деревенских школьников. У детского писателя есть цикл рассказов «Ничья собака», «Андрейкин амфибрахий», «Парадокс Зенона», «Ископаемое», главным героем которых является Андрейка — мальчишка из села Шапкино. О том, насколько увлекателен и близок этот детский мир каждому читателю, свидетельствуют, к примеру, вот эти сюжеты из рассказов **Юрия Федоровича ТРЕТЬЯКОВА** под названием «**ЭЛЕКТРОСИГНАЛЫ**» **НА СОРНЯКАХ**, повествующие о том, как городские ребята попали на сельские работы.

Юрий Третьяков

Шурка знать ничего не хотел: он шел на ходулях!

Это происходило во дворе дома № 25 по Электросигнальному переулку. А с высоты Шурка мог даже видеть, что делается в соседнем дворе, — такие это были громадные, невиданные ходули! Всякие мелкие ребяташки, побросав свои дела, бежали отовсюду, чтобы насладиться великолепным зрелищем: вот Шурка идет на ходулях! В раскрытом окне третьего этажа самый несчастный во дворе мальчик Боря, по прозвищу Жиртрест, которого никуда не пускали без мамы, свесился вниз, одной рукой вцепившись в подоконник, другой отчаянно отбиваясь от кого-то невидимого, пытавшегося затащить его обратно в комнату.

Шурка чувствовал себя как космонавт. Глядя на зрителей сверху вниз, он кричал:

— Уйди! С дороги!

И это было только качало. Все каникулы Шурка решил посвятить хождению на ходулях. Может, он и вовсе отвыкнет ходить на ногах — будет только на ходулях!

На скамеечке возле одного подъезда сидел степенный краснощекий мальчишка, грыз семечки и плевал шелуху в кулак. Это была нелюбимая во дворе личность по прозвищу Осел. Он хоть и приехал недавно из деревни, но никого не боялся и обо всем говорил: «Это что! Вот у нас, в Верхнем Оселке...» За это его и прозвали — Осел.

И сейчас, когда Шурка с ним поравнялся, он выплюнул шелуху и громко сказал:

— Подумаешь! У нас, в Верхнем Оселке...

Так как руки и ноги были у Шурки заняты ходулями, он только и смог сделать, что плюнул на Осла, но не доплюнул. Осел тотчас тоже плюнул и тоже, конечно, не доплюнул. Куда ему!

А Шурка пошел дальше.

Он миновал молодой сад, который этой весной жильцы посадили во дворе, площадки с песком, деревянные грибы и беседки для малышей.

Ребята постарше — Шуркины друзья — предпочитали собираться за сараем, где были свалены старые ящики, бревна и обрезки досок.

Они и сейчас находились там. Это была грозная дружная сила, известная в округе как «электросигналы»: Калина, Никуля, Лелик и Ерш — все из одного класса.

Футболист Калина сидел в своем синем свитере и бутсах на ящике, свесив руки, как отдыхающий боксер. Никуля полулежал на бревне. Лелик на корточках наблюдал какую-то букашку, ползущую по своим делам, он был натуралист. А тудяга и мастер на все руки Ерш обстругивал палку для метлы, которую он пообещал дворничихе.

Шурка появился из-за угла, как привидение, и произнес шипящим хриплым голосом, каким, по его мнению, должны разговаривать привидения:

— А в-вы ш-ш-што тут...

Но ни у кого особенного восторга его появление не вызвало. Один только Ерш встал, зачем-то пощупал ходули и опять сел.

— Вот и он! — сказал Никуля. — Ну как?

— Никак! — ответил обиженный Шурка. — Что «как»?

— Ты уже знаешь?

— Ничего я не знаю! — сказал Шурка, переступая все время, чтобы не упасть. — Включу вот сейчас свои ходули и пойду до самого вон того дома!

— Он не знает? — изумился Никуля. — Нас же в колхоз посылают! И тебя!

Шурка, не удержав равновесия, рухнул на землю.

— Чего врешь!

— Верно, верно! Да спроси! — показал Никуля на остальных электросигналов, и те молча кивнули.

— А зачем?

— Мы ж шефы! Ты ж сам, помнишь, голосовал?

Шурка вспомнил: верно, голосовал...

— Я думал, это так...

— Вот тебе и так!

— А может, я не хочу?

— Мало ли что! — сказал Калина. — Теперь уже нельзя не хотеть. Голосовал ведь! Все едем.

— Ну раз все, то ладно, — согласился Шурка, вздохнув. — Только что мы там будем делать? Я это пахать-сеять не умею... И коров этих самых не то, что боюсь, а как-то не люблю... Потому что неизвестно, что у нее в голове... Вот лошадей —

люблю! Знаешь черную лошадь, в булочную хлеб привозит? Я на ней верхом сидел даже... один раз! А в колхозе я сяду на какую-нибудь и — поскачу!

Эта мысль пришлась электросигналам по душе.

— Пожалуй, и я поскачу... — задумчиво сказал Лелик.

— И я! — откликнулся Ерш.

— Все поскачем! — радостно закричал Калина.

— Так вам и дадут скакать! — охладил их радость зловредный Никуля. — Работать заставят, а скакать у них самих много желающих найдется.

— А что там надо работать? — поинтересовался Шурка.

— Полоть! — объяснил Ерш со знанием дела. — Сорняки, траву то есть, дергать. Сильно она у них там выросла.

— У них выросла, а мы ее дергай... — усмехнулся Никуля. — На наш двор, когда мы деревья сажали, небось не пришли помогать, а мы иди... Давайте не поедем?

— Давайте! — сразу согласился Шурка.

— Не поедем! — воскликнул Калина.

— Пускай их сорняки растут, хоть до самого неба! — сказал Лелик. — Нам какое дело!

— А вообще-то, — сказал Ерш, любясь законченной ручкой для метлы, — что такого — траву дергать? Даже интересно! Я эту траву могу дергать хоть целый день! Поедем, поможем им, чтоб они не плакали...

— Ну, ехать так ехать... — равнодушно согласились электросигналы.

— Чуть-чуть для смеха поработаем, — сказал Никуля. — А потом найдем, чем заняться. Будем по ночам не спать, никто не запретит, — не спи хоть целый месяц. Разводить костры, воровать с огородов всякий горох, морковку. Таскать за рога козлят, баранов...

— А если деревенские пацаны начнут задираться, — сказал Калина, — отлупим их так, что они завоюют у нас на всю деревню!

— И пускай дают нам меду, — продолжал Никуля, — каждому по большой тарелке... А как же! Раз мы приехали им помогать — нечего жаться. А то соберем свое барахло и — домой! Мы не навязывались... А вообще кто-нибудь был в деревне?

— Я нет.

— Я тоже.

— А на даче считается?

— На даче не считается!

— Ну, тогда и я не был.

Никуля вдруг хлопнул себя по лбу:

— Эх, самое главное забыл! А куда мы едем, знаете? В Верхний Оселок, откуда наш Осел приехал!

— Он там на лавочке сидит! — обрадовался Шурка. — Пошли у него разузнаем чего-нибудь!

Увидев приближающихся электросигналов, Осел встал и поглядел на подъезд.

— Не бойся! — крикнули ему. — Не тронем! Одну вещь надо узнать.

Упорный, задиристый Осел опять сел и пренебрежительно сказал:

— Загрозили! Боялся я, как же... Ждите!

Хитрый Никуля, подмигивая электросигналам, начал разговор:

— Видал у Шурки какие ходули? У вас, в Верхнем Оселке, таких больших, на-верное...

— Ху-у! — сразу встрепенулся Осел. — Да у нас имеются в два раз поболее! У нас... У нас любой ходит на ходулях с малолетства! У нас ребята...

— Какие уж у вас и ребята... — подкачивал Никуля.

— У нас? У нас ребята — будь спокоен! Все ребятки удалые, поудалей будут и меня!

— А что, если поедем поглядим? — спросил Шурка.

— Давай ехай! — горячился Осел. — Там тебе шею сразу намылят! Там тебе любой как даст — ты и хвост откинешь! Там народ трудовой!

— Да что там... Ни речки у вас там нет, ни леса...

— Как нету? — Осел от возмущения начал заикаться. — Почем ты знаешь? Ты там был? Там не речка, ручей называется — Журавлиха, так получше разов в сто будет вашей реки Заржавой! Да еще пруд какой! Такого пруда тебе и во сне не приснится!

— Хорошо там?

— А то нет! Тут что? Скука. А там — мирово!

— А ослы у вас там есть? — спросил Шурка.

— А то... — начал было Осел, но спохватился, умолк и вдруг, стуча по асфальту сапогами, как копытами, побежал в подъезд. Через минуту он появился на своем балконе и запел издевательским голосом:

— Шурей-бурей продал курей за сто рублей! Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе!

При этом он приплясывал и кривлялся. Пропев свой куплет раз пять, он скрылся, довольный.

— Наверное, все они там так же... — сказал Калина. — Одичали в своем Верхнем Оселке. Дергают, дергают свою траву, а потом возьмут да и одичают! Но ничего, мы им покажем!..

2

С самого начала дело пошло не так, как ожидалось. Среди мальчишек и девочек, толпившихся на школьном дворе, электросигналы не нашли ни одного знакомого: все был народ из первой смены да из младших классов, а учительница, которая должна была сопровождать школьников в колхоз, была незнакомая, электросигналам она сразу не понравилась.

— Ну и ладно! — сказал Шурка, вертя свой портфель, где вместе с кое-какими продуктами лежали самые необходимые в деревенской жизни предметы: рогатка, театральный бинокль, крючки и книга «Справочник следопыта». — Пошкродничаем там немного и убежим куда-нибудь в леса дня на три...

Правда, в кузове автомашины электросигналы заняли лучшее место — прямо за кабиной, где от борта до борта лежала доска, как скамейка, но интересного в дороге ничего не случилось. Да и сама дорога оказалась до обидного короткой.

Проехали городские домики, и началось поле. Оно до самого горизонта было чем-то засеяно — не то пшеницей, не то коноплей. По посевам летали обыкновенные вороны. Только один раз ребята увидели двух больших зеленых птиц. Они сидели на проводах, потом взлетели и начали играть и кувыркаться в воздухе.

— Сизоворонки, — сказала учительница, но электросигналы ей не поверили.

Через полчаса опять завиднелись крыши, и машина въехала на улицу, застроенную обыкновенными одноэтажными домиками, каких полно в городе. Только стояли они на большом расстоянии друг от друга, между ними были сады, огороды и везде стояли скворечники, где один, а где два и три.

— Вот и приехали! — сказала учительница, когда машина остановилась у кирпичного, крытого черепицей большого дома с вывеской: «Клуб».

— Как, уже? — удивился Шурка. — Это и есть Оселок?

— Ну да.

— Ну и Оселок! — разочарованно сказал Никуля и шепотом добавил: — А! Все равно убежать.

Учительница пошла в клуб, а Шурка достал из портфеля рогатку и выпрыгнул из кузова.

— Ты куда? — спросил Калина.

— Пойти подстрелить парочку воробьев себе на ужин, — небрежно сказал Шурка и заглянул в ворота клубного двора.

Так и есть: целая туча воробьев расклевывала там навоз. Только Шурка стал к ним подкрадываться, они вспорхнули и полетели дальше, за длинный сарай. Шурка прошел за ними. Там стояла пустая легковая машина, и среди двора красовался маленький мальчишка в трусах. Глядя на свою тень, он на все лады примерял новую военную фуражку с красным околышем и блестящим козырьком. Фуражка была ему велика, сползала на уши и никак не могла надеться набекрень, как хотел мальчишка. Шурка поднял с земли тяжелую зеленую сливу, вложил ее в рогатку, несильно стрельнул мальчишке в голую спину, а сам присел за машиной, осторожно выглядывая: что будет делать мальчишка? А тот пощупал себя между лопатками, долго оглядывался по сторонам, заметил сливу, поднял ее, помял, даже надкусил. Потом, отшвырнув сливу в сторону, опять начал озираться и вдруг увидел Шурку, неосторожно высунувшегося из-за легковой машины. Только тогда мальчишка наморщил лицо и заревел, да так здорово, что откуда-то прибежали еще двое мальчишек, ростом с Шурку. Мальчишка, заливаясь настоящими слезами, показал на Шурку, и Шурка, не дожидаясь, что будет дальше, побежал обратно к грузовику. Там все, кроме электросигналов, таскали свои пожитки в клуб, а возле машины разговаривал с Зоей Ивановной какой-то дядька с чапаевскими усами.

— Давай залезай! — крикнул Шурке Никуля, — Сейчас поедем!

— Куда?

— На клин!

— На какой клин?

— В самые дебри! — ликовали электросигналы.

— Неужели нельзя разместить всех в одном месте? — пожимала плечами учительница. — Как же они там будут без надзора?

— Они не маленькие, — сказал дядька с чапаевскими усами. — Да и мы тоже. Верно я говорю? — подмигнул он электросигналам.

— Точно! — заорали электросигналы. — Даешь клин!

Учительница опять пожала плечами, дядька махнул рукой, и машина поехала.

— Какой это клин? — спросил Шурка.

— А кто его знает... Этот дядька говорит — в клубе разместить всех нельзя, а но клину требуются ребята. В сене будем жить, понял?

...Это оказалось длинным, с двумя дверями сараем, крытом соломой. Напротив сарая стояли пустая телега и бочка на колесах. Вся земля вокруг была запорошена соломой. Пахло конюшней и еще чем-то хорошим — настоящим деревенским. А кругом были огороды. Огороды такие же, как на пришкольном участке, только в тысячу раз больше — куда ни глянь, одни огороды. Только где-то на горизонте что-то синело, какие-то кустики. Да рядом в зеленой травке протекал тоненький, как нитка, ручей.

Возле сарая стоял старик в рваной телогрейке — точный дед Штукарь. Машина уехала, а ребята молча глядели на него, ожидая, что дед сейчас должен сказать что-нибудь смешное. Но дед протянул Лелику корявую черную руку:

— Ну, здравствуешь!..

— Здравсте... — смутился Лелик.

Дед поздоровался с каждым за руку, а Калину потряс за плечо:

— Молодец! Крепкий паренек!

Калина выпятил грудь и отошел, молодецки поводя плечами.

Никуля решил поговорить с дедом на деревенском языке:

— Ну, как урожай? — спросил он. — Зеленья ничего?

Дед захохотал:

— Ничего, ничего! Добрые!

— Дедушка, а где у вас протекает Журавлиха? — спросил Шурка.

— А вот, — дед показал на ручей.

— А лес где?

— У нас не лес, а вырубка. Во-он синеет, — дед кивнул в сторону кустиков на горизонте.

— А настоящий, большой?

— Один у нас! Больше никакого! Ну, тащи свои пожитки. За мной.

Дед открыл одну дверь сарая. Сарай был до половины забит сеном.

— Вот тут определено ваше местожительство. Упаси бог курить сигарки, сгорим все.

В сарае было прохладно. Где-то под кровлей чирикали и пищали воробьи. За стеной лошадь жевала и фыркала.

Тем временем солнце уже спустилось до самого горизонта. Небо в той стороне было красное.

— Опять заря красная, — покачал головой дед. — Снова дождика не будет, ах ты...

— А зачем он нужен? — удивился Никуля.

— Как же не нужен? — в свою очередь удивился дед. — Дождик-то?

— Конечно! — сказал Никуля. — Будет грязь.

Дед оstonбенело глянул на Никулю.

— Смотрю я на тебя, большой ты парень, ловкий, а дурачок. Как же без дождика, а посохнет все, ты это думал?

Никуля отошел и тихо сказал Шурке:

— Пускай дождик лучше пойдет, когда нас здесь не будет. Тоже дед хитрый. А я в тапочках.

Остальные электросигналы допытывались у деда:

— А там лошадь?

— А в ночное мы поедем?

— Дедушка, а где записывают в ночное?

Дед равнодушно сказал:

— У нас в ночное не ездют. Давно. У нас в хозяйстве две лошади. Лошади старые, находятся на стойловом содержании...

— А посмотреть можно?

— А то что ж...

Дед растворил другую дверь, и ребята с любопытством заглянули внутрь. Там стояла лошадь с длинной, какой-то вытертой шерстью.

— Ну и лошадь! — сказал Никуля. — Какая-то горбатая...

Дед укоризненно и строго глянул через плечо:

— Ты состарисься, тоже будешь горбатым. Я молодой был — молодец, вот почище его, — он кивнул на Калину. — А сейчас хоть в утиль списывай, как устарелую технику... А конь старый, давно пенсию заслужил, его жалеют... И вы с ним не озоруйте. Нехорошо.

Шурка все больше разочаровывался: речки нет, леса нет, скакать не на чем. Наврал все Осел.

Дед сказал:

— Харч вам положен с завтрашнего дня, а пока ешьте у кого что есть свое!

— А костер можно развести?

— Ваяйте. Только чтоб пожару не наделать!

Шурка немного ожил: ну, раз приехали, хоть у костра посидеть! — и побежал собирать щепочки.

Запылал костер. Шурка достал из своего рюкзака куски колбасы, насадил на палочку и сунул в огонь. Огонь облизал колбасу, она зашипела, затрещала, сразу покрылась копотью. Шурка вынул ее, попробовал: очень здорово, хоть и горчит. Но зато даже не похожа вкусом на колбасу! Глядя на него, остальные ребята тоже начали печь: кто колбасу, кто хлеб, кто сыр...

Стемнело. Дед тоже сидел у костра на полене и сшивал какой-то ремень. Ерш присматривался и вел с дедом разговор:

— И я так умею!

— Ну?

— Умею! Вы думаете, не сумею?

— Да брось.

Никуля, таинственно появившись откуда-то из темноты, на минуту отозвал Ерша.

— Мы сейчас пойдем на разведку. Я и Лелик... Пойдем как будто спать, а сами обследуем, какая у них тут картошка, морковка растет. Тут горох есть! А вы деда заговаривайте...

— Ладно, — сказал Ерш.

Он отошел к догорающему костру, и Шурка, лежа в сарае на шуршащем сене, услышал его голос:

— Дедушка, вы б какую-нибудь сказку рассказали...

Сено не было душистым, как ожидал Шурка, пожалуй, от него даже пахло пылью. За стеной фыркала и равнодушно жевала лошадь, а снаружи в открытую дверь доносился голос деда:

— Значит, пошли они, кобель и медведь, вместе. Глядь, навстречу им жеребец. Медведь давай землю лапами рыть, а сам спрашивает: «Кобель, кобель?» — «Чего?» — «Глянь на меня — глаза красные?» Кобель говорит: «Красные!» Медведь еще сердитее землю рвет: «А что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась!» — «А хвост поднялся?» — «Поднялся!» Тут медведь налетел на жеребца — в клочки порвал!

Калина захохотал. Видно, сказка ему нравилась.

...Проснулся Шурка оттого, что кто-то толкал его в бок.

— Шурка... слышишь?.. Шурк...

— Чего? — спросонья не понял Шурка.

— На. — Никуля сунул ему в руку что-то мокрое.

— Что это?

— Морковки!

Шурка, не открывая глаза, сжевал зеленые, горькие, все в песке хвостики моркови и опять заснул под шепот Никули и Калины.

— Ну и морковь! — говорил Калина. — Мелкая какая, она бы большая выросла!..

— Так тогда нас здесь уже не будет! — отвечал Никуля. — Были б яблоки, за яблоками б полезли. А то зачем же мы ехали?

Когда Шурка открыл глаза, было уже совсем светло. Очень громко чирикали воробьи — все разом. Видно, они отдохнули за ночь и сейчас старались вовсю. Электросигналы спали или делали вид, что спят, потому что снаружи дед разговаривал с учительницей.

— Без всякого сомнения! — говорил дед, — Все будет в порядке. Ребята они смиренные. Я за ними присмотрю.

— Так я буду на вас надеяться, — сказала учительница и, видимо, ушла.

Шурка подождал немного, отряхнул куртку и вышел из сарая. Солнце только еще вставало и было такое красное, что смотри на него сколько хочешь простым глазом. Трава была сплошь покрыта росой, даже на вид холодной.

Поднимался синий дымок от костра, над которым висело закопченное ведро. В ведре что-то булькало и бурлило.

Дед сидел на чурбаке и ковырял свой ремень.

— С добрым утром! — сказал Шурка. Дед подумал и ответил:

— И вас также... Встаете, значит? Валяй, валяй! Вон уже каша всем готова. Только ты вот что... Иди-ка сядь сюда. Чего скажу.

Шурка с опаской присел на краешек чурбака, догадываясь, о чем скажет дед.

— Тут учительница ваша приходила. Я уж ей не стал жаловаться, но только это не дело — по ночам моркву топтать. Это как называется? Озорство, больше ничего. За вас совестно. Ай вы зеленой морквы не видали? Да я вам спелой принесу. Хоть ведро — ешьте...

— Это не мы...

— Брось... Так вот и передай своим друзьям.

Шурка пошел в сарай. Оказалось, что электросигналы все проснулись и с интересом глядели на Шурку.

— Ну как? — спросил Никуля.

— Подъем! — сказал Шурка. — Старик уже кашу сварил.

— Уже сварил! — обрадовался Калина. — Это хорошо! Молодец дед! О чем вы с ним толковали?

— За морковь ругается, — сказал Шурка. — Говорит, наверное, моркови в жизни не видали, голодные... Обещал сегодня нам принести полное ведро, чтоб мы могли наесться хоть раз в жизни.

— А зачем она нам, — буркнул Калина. — Я ее не люблю. Особенно, когда она еще не выросла...

— А чего ж вы ее рвали? — спросил Шурка.

— А как же? — удивился Никуля. — Мы ж договаривались, чтоб все рвать: картошку там, морковку... Я ее не люблю... Только раз договаривались, ничего не поделаешь.

— Давайте сегодня день получше поработаем, чтоб дед не обижался за морковь! — предложил Ерш. — Прополем ему его огород. Сколько мы там сорвали — пустяк! Еще вырастет. Поработаем, значит, сегодня?

Пока они ели кашу, явился вчерашний дядька с чапаевскими усами. Он нес на плече шесть тяпок.

— Налетай! — сказал он, свалив их на землю. — Бери по штуке! Это вам орудия производства. Сейчас я вас разведу по местам. Айда за мной! Один останется тут — деду помогать!

— Я могу остаться! — сразу вызвался Никуля. Остальные ребята разобрали тяпки и пошли за дядькой по огороду. Везде росли одни помидоры. Шурке, да и остальным, никогда не приходилось видеть столько помидоров в одном месте. Вообще это были довольно жалкие, вялые кустики. Зато сорная трава, окружавшая их, как видно, чувствовала себя превосходно. Сколько ее было! И мелкая травка, и ромашка, и какие-то неизвестные цветочки, и высокие колючие кусты с широкими листьями, ростом Шурке до пояса, во все стороны топырили свои ветки. Кое-где, далеко друг от друга, ковырялись деревенские мальчишки с тяпками.

Они миновали грязный заросший пруд. Это, наверное, и был тот самый пруд, которым хвастался Осел.

Первый деревенский мальчишка, к которому подошли электросигналы, был тот самый, кто вчера хотел погнаться за Шуркой. Он выпрямился, отер локтем лоб и с любопытством, как показалось Шурке, поглядел на Шурку.

— Идут дела? — спросил дядька. Мальчишка кивнул.

— Получай себе подручного, ну вот хоть бы его, — дядька легонько подтолкнул Шурку в плечо.

— Я хочу, чтоб... — начал Шурка, но дядька его оборвал:

— Не на базаре! Хочешь работать — работай, а не торгуйся... Пошли дальше!

И Шурка остался вдвоем с мальчишкой.

Они некоторое время постояли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Чтоб дальше так не стоять, Шурка схватил рукой за макушку самый большой куст и дернул. Но куст, крепкий, как веревка, и не думал выдергиваться. Шурка схватил куст покрепче и сморщился: в ладонь впились мелкие невидимые колючки.

— Это ж осот! — быстро сказал мальчишка. — Его не выдернешь! Его надо вот так!

Мальчишка ударил тяпкой под корень, и куст сразу повалился. Мальчишка, улыбаясь, оглянулся на Шурку — зла он, видно, не помнил.

— Готов! А вот этот? — нацелился он на другой куст. — Стоишь? А мы тебя вот так! Ага! Не любишь? А ты — ишь какой вырос! Готов!

— Правильно, — сказал Шурка. — А то, глянь, как они, гады, разрослись. Все помидоры через них повяли.

— А мы потом польем! — бодро сказал мальчишка. — Они у нас зазеленеют!

Шурка облюбовал куст осота и срубил его с одного удара. Потом второй, потом третий... Выходило не хуже, чем у деревенского! И тот одобрил:

— Можешь! Всего десять рядов надо нам пройти! Один я уже прошел!

Ряды помидоров были такие длинные, что даже конца их не виднелось.

— Много так? — ужаснулся Шурка.

— Чего много? — с удивлением спросил мальчишка, — Это много? Разве это много? Как начнем!

И он набросился на сорняки так, что они не успевали валиться. Шурка пошел по другому ряду, стараясь не отставать. Однако тягаться с мальчишкой он не мог. Мальчишка очень скоро далеко его обогнал. Он иногда оглядывался на Шурку, кивал ему или помахивал рукой и опять врубался в сорняковую гущу. «Задаётся, — подумал Шурка. — Конечно, если этим все время заниматься...» Но, дойдя до конца своего ряда — конец появился неожиданно, — он перешел на Шуркин ряд и пошел ему навстречу. Когда они сошлись, мальчишка изобразил на лице радость по поводу встречи и протянул ладошку:

— Здравсте!

Шурка подумал, что мальчишка ничего, хороший.

— Я тебе буду помогать, — сказал мальчишка, — пока ты совсем не привыкнешь. А раз мы с гобой закончили по ряду, имеем право окунуться в пруду. Бежим!

И мальчишка побежал вперед, взбрыкивая, как жеребенок. Одновременно он чмокал губами, изображая цоканье копыт, и подхлестывал себя по ногам хворостинкой.

Вода в пруду была теплая, а дно заросло какими-то мягкими травами. Ребята разделались и залезли по шену. Побарахтавшись в воде, мальчишка вылез и гордо спросил:

— Ну как, здорово? Мировое ведь место наш Верхний Оселок?

Шурка сразу вспомнил про Осли, хотел было расспросить про него, но мальчишка, на ходу одеваясь, уже бежал обратно:

— Поскакали! Осталось всего семь разов. А потом — обед!

Солнце поднималось все выше и выше. Шурка давно бросил где-то рубашку, и жаркие лучи прямо-таки пронзали его спину. Сам же Шурка, позабыв про все,

богатырски сокрушал сорняки. Кусты осота валились у него почти с одного удара, а про мелкую травку и говорить не стоило! Плохо только, что лицо все время заливалось потом — самый что ни на есть горячий воздух собирался как раз вокруг лица. И никакого ветерка не было, чтоб его сдунуть, а обтирать лицо было некогда — Шурка старался не отстать от мальчишки.

И вот наконец последний ряд был пройден! Шурка с удовольствием оглядывал поле битвы, усеянное трупами сорняков, почти не слушая мальчишку, который деловито говорил:

— Значит, так... Сейчас обед: мы — дома, а вас там дед спрашивает!.. А солнышко начнет садиться, возьмемся за поливку! Лады? Ух ты! Наши уже глянь — потянулись! Да и ваши тоже! Ну, я побежал!

4

Так приятно было отдыхать, что и разговаривать не хотелось. Электросигналы лежали в тени сарая. Шурка разглядывал свои ладони с неизвестно откуда взявшимися пузырями.

— Ого, мозоли появляются, — похвалился он, — интересные какие...

Лелик сравнил его мозоли со своими и позавидовал:

— Скажи! А у меня какие-то маленькие... Почему так?

— Значит, ты работал хуже.

— Ладно, успею еще, — успокоил себя Лелик. — Через денек у меня побольше будут.

— Через какой денек? — забеспокоился Никуля. — Мы ж сегодня вечером смываемся?

Электросигналы промолчали. Например, Шурке почему-то уже не очень хотелось «смываться».

Калина, щупая поясницу, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ишь, пояс больно... Видно, какие-то мускулы у меня недоразвиты. Мелкие какие-нибудь... Придется еще работать, чтоб они до конца доразвились.

— И у меня! — обрадовался Шурка. — Я, пожалуй, тоже поработаю.

— А мне дед обещал показать, как плести из хвороста корзинку, — соврал Ерш. — Пока не научусь, никуда отсюда не уйду.

— Так договаривались же... — заныл Никуля. — А теперь врете. Думаете, я не понимаю? Поясница, корзинка... Просто боитесь. Нанялись эти помидоры полоть...

— А хоть бы и помидоры! — сказал Ерш. — Люди трудились, сажали их, а они засохнут. Их тут тыщи штук!

— Они что — твои? Наняли тебя?

— Мало ли что! — вдруг со злобой обернулся к нему Калина. — Не нанялись, а надо помочь! А кому захочу, всегда помогу! Когда у тебя с пацанами из второго подъезда чего-то там вышло, я за тебя заступился? А что я с этого имел? Только что губу мне разбили.

— Так я свой. А тут деревенские. Еще сам собирался их лупить...

— Мало ли что! Если всех лупить, надо тысячи рук иметь: одни деревенские, другие из второго подъезда, третьи так... Они нам ничего плохого не сделали... Подумают — какие одичалые приехали. Хочешь — лупи сам! Только я за тебя заступаться не буду! И вообще — нечего тебе тут сачковать! Дед без тебя обойдется! С завтрашнего дня — со всеми на работу!

Никуля сразу умолк, потому что с разозленным Калиной шутки были плохи!

Жара спадала. Тень от сарая делалась все длинней и длинней.

Явились деревенские ребята. Каждый нес по два ведра и по две кружки.

Шуркин знакомый еще издали улыбался Шурке;

— Опять вместе будем?

— Давай! — кивнул Шурка, забирая у него ведро.

Они черпали воду из глубоких ямок. Ямки были выкопаны по берегу пруда и соединены с прудом канавками. Сколько из них ни черпай воду — ее не убавлялось. Грязноватая теплая вода пахла тиной. В ней плавали крошечные лягушата. Они то и дело попадали в ведро. Шурка вынимал их, и лягушата спешили обратно в ямку. Наверное, там был их дом.

Под каждый помидор полагалось вылить кружку воды. Земля жадно, с шорохом пила воду. А под землей ее с нетерпением ожидали корни. Шурке было приятно, что большие от жажды кустики помидоров наконец-то напьются! И никакой жадный осот уже не может отнять их порцию воды.

Одно было плохо: Шурка таскал и таскал воду — ведро за ведром, — десять напившихся кустиков, сорок, шестьдесят... Все равно политый участок оставался очень маленьким рядом с неполитым.

Сойдясь с мальчишкой возле ямки, Шурка спросил:

— У тебя уже сколько? У меня сто десять!

— А я не считаю, — сказал мальчишка. — Чего их считать? Ты просто поливай, и все. Они сами потом сочтутся.

Шурка так и сделал. Он даже перестал лягушат вылавливать, тем более что они прекрасно находили дорогу домой. И верно: политый участок стал расти быстрее, зато и ходить за водой к ямке приходилось все дальше.

Когда уже совсем смерклось и стало прохладно, особенно когда вода выплескивалась из ведра на босые ноги, Шурку явился проведать Ерш. Он стремительно вышагивал, размахивая руками, зато мальчишка, который работал вместе с ним, еле плелся и, подойдя, сразу сел на землю.

— Ну, как? — справился Ерш у Шурки. — Кончаешь, нет? А мы уже свой доби-ли участок! Так это что! Завтра попрошу, чтоб дали раза так в два побольше! А то руки-ноги у меня только расходились, а он и весь! Видно, придется вам помочь, а то будете вы тут копошиться до завтрашнего утра! Поможем им, Кирыч? — об-ратился он к замученному спутнику.

— Ну что ж... можно, — уныло пробормотал Кирыч.

— Нечего нам помогать, — сказал Шурка. — Мы и сами справимся.

— Они справятся! — сразу оживился Кирыч. — Ничего. Они, глянь, сила!

— Жалко! — вздохнул Ерш. — Главное, руки-ноги у меня разошлись! А когда они разойдутся, остановить их бывает трудновато. Да. Порядком приходится потру-диться, чтоб они успокоились, такое уж у них устройство, ничего не подела-ешь... Ну, пошли, Кирыч!

А Шурка со своим мальчишкой поливали до тех пор, пока совсем стемнело и помидоров стало не видно. Тогда они пошли домой.

И тут Шурка опять вспомнил про Осла:

— А у нас во дворе один ваш живет...

Шедший впереди мальчишка так быстро обернулся к Шурке, что они чуть не столкнулись лбами.

— Василий? Так это ж наш Васька! Неужели? А? Ты скажи! Нет, ты правду? Как же так? Он же вас все время в письмах описывает!

— Как описывает? — осторожно спросил Шурка.

— Да по-всякому! Вчера еще письмо прислал. Пишет, там Шурка какой-то на ходулях его учит ходить! Есть там такой?

— Есть... Как раз я сам...

Мальчишка от восторга затопал ногами.

— Не, ты правду? Вот так так! Значит, учишь?

— Учу... Пока он просто... Присматривается... Но скоро, пожалуй, начнем практику проходить.

— Дела! Ну, дела! — восторгался мальчишка. — Он пишет... Сильно вы его там уважаете?

— А что? — уклончиво сказал Шурка. — Отчего не уважать? Ничего он плохо не делал...

Прощаясь с Шуркой на развилке тропки, мальчишка все радовался:

— Расскажу ребятам — вот удивятся! Ну, удивятся! Завтра же я к тебе его брата приведу. В какого ты из рогатки-то стрелял — его брат! Хо-хо! А ты знаешь еще что? Меня тоже Шуркой звать! Здорово?

Электросигналы уже лежали в сарае, но не спали, хохотали над чем-то. Дед и неутомимый Ерш возле костра подшивали ремень сразу с двух концов. Ерш что-то рассказывал деду.

— Ужин твой вон в ведре. Ешь прямо оттуда. Наши уже поужинали и спать легли. Слышишь, хохочут? Это они так спят. И я спать не могу: все еще руки мои никак не могут остановиться. А ты знаешь, что Никуля смылся? Вот жлоб.

— Может, он и вправду захворал, — сказал, посмеиваясь, дед. — Говорят, живот схватило... Машина была попутная, чего не взять? Да и то сказать: баба с возу — кобыле легче... Ну и как же, — обратился он к Ершу, — стало быть, спрятался он в дереве, а тигра что?

— А тигр всегда приходит доедать, чего не доел, обязательно.

— Ах ты, мать честная! — удивился дед.

Шурка жадно ел прямо из ведра свой ужин. Ерш горячо рассказывал:

— Охотник-то, понимаете, сидит себе в дупле, и тигр достать его оттуда не может!..

— Ловко! — хлопал себя по коленкам дед.

* * *

На другой день солнца не было. Оно только чуть просвечивало сквозь серую пелену, покрывавшую небо.

И это было хорошо: полоть не жарко! А неполотого оставалось порядочно. Поэтому электросигналы явились на работу даже раньше деревенских. Шурка и припомнить не мог — спал он или нет: казалось, только закрыл глаза, и вот уже надо вставать.

За завтраком Шурка рассказал ребятам про Осла.

— Будем знать, — сказал Калина. — А вообще мы его и не трогали. А теперь и вовсе не будем.

Сначала у Шурки все болело, особенно больно было нагибаться, но постепенно боль стала проходить и часа через два совсем прошла.

Деревенский Шурка привел с собой того самого маленького мальчишку в военной фуражке — Ослова брата. Мальчишка сразу же проникся к Шурке уважением и начал помогать — собирал сорняки в кучу, шнырял по участку проворно, как мышь. Фуражку он не снимал, хоть она и причиняла ему громадные неудобства, ползая то на нос, то на затылок. И когда, закончив к середине дня прополку, деревенские и электросигналы собрались вместе на влажной бархатной травке у пруда, мальчишка этот сидел в центре, как именинник, и упивался разговором про своего столь известного везде брата.

— Так в вашем доме и живет? — допытывались деревенские.

— Да. Только в другом подъезде.

— Ну, и как он там?

— Нормально... — выкручивались электросигналы, — Он парень такой... безвредный...

— Да ну? — удивлялись деревенские. — А здесь он как озоровал. Всегда у него голова была пробита: то он с дерева падает, то с крыши, то еще откуда...

— И у меня голова была пробита! — бахвалился младший брат. — Вот тут. Только сейчас все уже прошло. На меня горка с посудой упала. Рассказать, как она падала? Ну, можно я расскажу? Расскажу-у-у!

Рассказать про это событие ему не пришлось. Куда-то исчезнувшие было Ерш и Кирыч принесли большой старый бредень.

— Дед дал! — радостно объявили они. — Велел наловить карасей в пруду. На обед нам! Ура!

...Оступаясь и завязая, а иногда окунаясь с головой. Ерш и Кирыч шли с бреднем, а остальные толпой валили по берегу следом.

Никто не заметил, откуда появилась на берегу учительница, приехавшая сюда вместе с электросигналами.

— Что это такое? — закричала она. — Что я вижу? Немедленно вылезти из болота! Вы утонете! Слышите? Вы слышите меня?

— Слышим! — откликнулся Ерш и обратился к Кирычу. — Давай держи ближе к тем кустам, там самая должна быть рыба... Так я и утонул...

— Немедленно вылезать! Мы едем домой!

— Почему домой? — удивились электросигналы.

— Бюро прогнозов сообщило, что начинаются дожди!

— Эх! — вздохнул Калина. — Вечно эти дожди, когда не нужно!

После долгой торговли Ерш все-таки согласился вылезти из пруда, и ребята с учительницей пошли по тропинке к сараю, где издали виднелась крытая брезентом машина. Первые редкие капли дождя застучали по земле.

— Эх, жалко, что рано вы уезжаете! — сказал Шурке его тезка.

— А мы еще приедем! — пообещал Шурка. — Вот посмотришь!

Ерш, смекнувший, что его за непослушание могут в другой раз не взять в колхоз, пошел на хитрость.

— А ведь и правда я мог утонуть! — обратился он к учительнице. — Это вы правильно сказали...

Учительница обрадовалась:

— Вот видишь! Это — болото, трясина. Может засосать!

— Верно! — охотно согласился Ерш. — Когда мы сюда в другой раз приедем, больше я в это болото не полезу. Чего в нем хорошего? Одна грязь. Мы ведь еще будем приезжать?

— Посмотрим, — сказала учительница.

...Все деревенские, стоя под дождем, который все усиливался, махали руками вслед машине, увозившей электросигналов обратно в город.

* * *

Дождь шел всю ночь. Утром он ненадолго перестал, и проглянуло солнце. На неровном асфальте стояли лужи, и сам асфальт блестел. В остальном все в городе было по-старому, будто Шурка никуда и не уезжал.

Только за сараем, куда Шурка пришел повидаться с друзьями, среди электросигналов восседал довольный Осел и разглагольствовал:

— Чего и толковать — теперь и сами видали! Поискать надо такого хорошего пруда, как у нас в Верхнем Оселке... Своими глазами видали теперь, какой он есть...

Вслед за Шуркой подошел Никуля. Вид у него был такой, будто ничего не случилось.

— А! Ты все Оселком своим хвалишься? — обратился он к сразу замолкнувшему Ослу. — Видали мы его! Ну-ка, подставляй спину, я на тебе разок проеду!

Осел осторожно оглядывался по сторонам. Калина встал с ящика.

— Подожди! — сказал он Никуле. — А может, он на тебе хочет проехать? Ты тут отдохнул, сил набрался, пока мы работали... Ну-ка, подставляй ты спину! Васек, садись на него!

— Да вы что? — отступил Никуля. — Шутите, что ли?

— Не шутим, — сказал Калина. — Значит, не хочешь? — Он чуть подтянул рукава свитера и, царапнув бутсой доску, обернулся к Ершу:

— Ерш, а Ерш? Что — глаза у меня покраснели?

— Покраснели! — радостно подхватил Ерш. Никуля еще попятился.

— А шерсть взъерошилась? — продолжал Калина.

— Взъерошилась! — воскликнул Шурка, вспомнив дедову сказку.

— А что хвост...

Никуля повернулся и быстро пошел прочь. Калина опять сел на ящик и обратился к Ослу:

— Давай рассказывай, Васек, дальше...

— А чего рассказывать? — ухмылялся Васек, бывший Осел. — В общем, такого хорошего Оселка ни в каком другом месте не найдешь...

Электросигналы слушали его с удовольствием. В общем, он все верно говорил.

* * *

Тамара Тимофеевна Давыденко, которая была постоянным редактором книг Третьякова, выходявших в зональном Центрально-Черноземном книжном издательстве, вспоминала, что ее первое знакомство с автором произошло в 1960-м году. Начальство обвиняло автора в слишком вольном обращении со словом. При описании забавных приключений деревенских ребятишек его персонажи использовали употребляемые в быту слова и выражения, наподобие «идеть», «куды», «щас как врежу». Теперь мы понимаем, что эти слова и придавали особую самобытность повествованию.

Третьяков считал, что всякий ребенок — личность положительная и ему свойственно тянуться ко всему положительному.

Юрий Федорович убежден, что для человека природа — основной, главный источник красоты. Понимание этой красоты, умение радоваться краскам неба, свежей зелени леса, разноголосому хору его обитателей и отличает человека, как существо разумное и созидающее. Природа, ее краски, запахи и звуки входят в книги Третьякова естественно и просто, как главнейшее условие человеческого существования. «И деревнями ехали, и полями ехали, свернули в высокий лес, где машина долго переваливалась на узких дорогах с борта на борт, как корабль на волнах, наконец, выехали на светлый зеленый берег прямо к сверкающему сквозь деревья водному раздолью и остановились: Синичка! Выгрузились на мысу, поросшем густой травой по колено. Там же росли развесистые дубы, а по самому берегу наклонились к воде старые ветлы. На той стороне густой таинственный лес стоял стеной и отражался в реке, широкой и такой тихой, что течение было почти не заметно, а возле мыса, в таинственном заливе, вода — прямо черная, по ней белые кувшинки растут, деревья отражаются лучше, чем в зеркале, а внизу, в глубине, прячутся разные рыбы — дожидаются, чтоб их поймали».

Маленькие герои его книг учатся понимать красоту родного края с той же непосредственностью, с какой научились говорить, читать, осмысливать окружающее. В повести «Дикая жизнь в лесу», когда ребята узнали, что их запасы украли водяная крыса, Глеб не допустил расправы над ней: «Они тут все — и мыши, и осы — жили-поживали, а мы явились и давай всех убивать, да? У крысы тут нора, дом, может, ей тоже неприятно, что мы приехали, шумим тут...»

Прозаик месяцами сидел дома, работал, иногда ездил в Воронеж. Прожитые в Борисоглебске годы были самыми плодотворными. За свою недолгую жизнь Третьяков написал двадцать книг повестей и рассказов. В своем творчестве он отражал время, в котором жил: 60-70-е годы прошлого столетия. Прежде чем создать образ героя или эпизодического персонажа, изобразить любую ситуацию, писателю необходимо точно знать, как это выглядит, он внутренне вылепляет — до самых мельчайших деталей — то, что у него появится на страницах книги. Включив воображение, читатель сможет найти на страницах книг нашего земляка родной и любимый сердцу уголок. Прочитав повесть «Рыцари Березовой улицы», мы можем предположить, что Третьяков описал улицу, на которой жил, — Дубровинскую: «Это была не какая-нибудь ровная скучная улица — она спускалась вниз горой. А внизу были огороды, и, когда шли дожди, тек ручей, который вполне мог заменить речку, хотя, конечно, ни рыб, ни лягушек там не водилось, а купаться было нельзя: вода грязная. За ручьем опять шли огороды, снова поднималась в гору улица, но уже другая, называемая Козий бугор...» Недалеко от третьяковского дома, который сохранился до настоящего времени, стоит трансформаторная будка: «...с тремя железными дверьми (одна наверху, туда вела железная лестница, и две внизу — каждая отдельно). Но хоть и была она отключена от сети, так как новая линия электропередачи прошла по другой улице, двери были как-то хитро закрыты изнутри, и залезть туда не было никакой возможности».

Все места, которые знал Юрий Третьяков, нашли отражение в его произведениях. В той же повести автор упоминает городской парк культуры и отдыха: «В парке уже играла радиолоа, и весь он был заполнен детворой... Сначала пойдем прокатимся на карусели. Там вчера коней устанавливали: рыжих, вороных, в яблоках; ну и лодки для всяких маленьких...» Герои ходят в краеведческий музей: «...Один раз с пользой я время провел: сходил в краеведческий музей. Билет там стоит только две копейки... Там чучело волка — вот громадное!.. Там даже моя денежка есть, где выставлены старинные деньги. Я ее вам покажу!»

«— Теперь в кино! Там «Цветик-самоцветик» — мультфильм. Это вам еще больше понравится... Возле дощатого здания летнего кинотеатра, где еще шел первый сеанс, Кот опять поразил Сеньку и Алешу своей осведомленностью. Он послушал через стенку музыку и голоса, доносившиеся с экрана изнутри, и определил: — Скоро конец...».

Третьяков упоминает истинные мальчишечьи места: «— На аэродром обязательно сходим! Посмотрим, как всякие самолеты приземляются. Я могу целый день смотреть. Там, который дядька флажки на поле ставит, гоняет всех пацанов. Сам, крокодил, целый день смотрит, а другим — нельзя! Я бы всех пускал! Что тут такого? Только туда надо ехать на автобусе...»

Полная коллекция книг Юрия Федоровича бережно хранится в фонде детской библиотеки города Борисоглебска, которая носит его имя с 2011 года. С целью популяризации творчества писателя-земляка сотрудники библиотеки организуют конкурсы, викторины, акции, проводят экскурсии, литературные праздники, беседы. По итогам конкурсов изданы сборники творческих работ юных авторов «Пестрый мир», «Раскрытые в детстве страницы». В читальном зале оформлена постоянно действующая выставка о жизни и творчестве Третьякова. На встречах с детьми сотрудники учреждения культуры подчеркивают, что творчество писателя связано с родным городом, с воспоминаниями борисоглебского детства.

Рукописи Третьякова ждали не только в Центрально-Черноземном, но и в столичных издательствах. По мотивам его рассказов на Одесской киностудии в 1974 году снят художественный фильм «Голубой патруль». Наряду с книгами Юрия Сотникова и Виктора Драгунского, произведения Юрия Третьякова прочно вошли в круг чтения нашего маленького современника.